

С. Е. ЛЯПИН

О ВОЗДЕЙСТВИИ СИНТАКСИСА НА РИТМ СТИХА (на примере полнударного 4-стопного хоря пушкинских сказок)

Поэтическая речь имеет не только специфически стиховые, но и синтаксические членения, причем последние нередко совпадают со стихоразделом — в этих случаях начало стиха является в то же время началом предложения или синтагмы. Поэтому те особенности «естественного ритма прозы», которые зависят от синтаксиса, могут сказываться также на просодической структуре стихотворной строки — в частности, они могут влиять на статистику распределения фонетических слов. Ритмические явления этого рода нельзя считать собственно стиховыми (автономными): они участвуют в формировании структуры стихотворной строки, но оказываются в конечном счете следствием общеязыковой закономерности¹.

Мы рассмотрим ритм словоразделов в полнударных женских строках русского 4-стопного хоря:

— — — — —

Материалом послужат сказки Пушкина: «О царе Салтане» (1831), «О мертвой царевне» (1833) и «О золотом петушке» (1834). На их примере мы попытаемся показать, как именно тип словоразделов связан с синтаксическим качеством предшествующих стихоразделов. Отберем сперва лишь те полнударные женские строки (их всего 101), начало которых совпадает с началом предложения; они обособлены от предшествующего стиха точкой или близким по значению пунктуационным знаком: восклицательным, вопросительным и т. д. Левый словораздел в полнударных хорях может быть только мужским или женским. В первом случае строка открывается односложным словом (—|— — — — —): *В те-поры война была. // Царь | Салтан, с женой простяся <...>*; во втором случае начальное слово занимает в стихе два слога (— —|— — — — —): *<...> Через море полетел. // Снова | князь у моря ходит <...>* Мужской словораздел встречается в 68% строк такого рода, женский — в 32%, то есть примерно вдвое реже².

Совсем другим процентное соотношение оказывается в стихах, которые «слева» обособлены не точкой, а запятой (49 строк). Слово-

разделы обоих типов — мужские (<...> *К ним народ навстречу валит, // Хор | церковный Бога хвалит <...>*) и женские (*Словно горькая вдовица, // Плачет, | бьется в ней царица <...>*) — в этой выборке распределены почти поровну: 49% и 51% соответственно. Расхождение в показателях по «синтаксически связанным» и «синтаксически свободным» стихам составляет, таким образом, без малого 20%. Похожие результаты дают и мужские полноударные хорей: в «синтаксически свободных» строчках (то есть после точки и т. п.) первое слово оказывается односложным в 62% случаев (36 стихов), а в «синтаксически связанных» строчках (то есть после запятой) — в 38% случаев (8 стихов). Здесь зависимость ритма словоразделов от синтаксиса стихоразделов чувствуется еще сильнее, что, однако, может быть следствием малого объема выборки (в сказках Пушкина мужских полноударных строк, слева обособленных запятой, — только 21).

Таким образом, чем слабее синтаксические связи между соседними стихами, тем короче начальное слово второй строки: сильная синтаксическая пауза сдвигает следующий словораздел влево. Этим выводом в значительной степени обесцениваются суммарные подсчеты, не учитывающие грамматики стихотворной речи: они не всегда способствуют установлению подлинных законов ритма. Например, в нашем материале в общей сложности насчитывается 225 полноударных женских стихов; из них 138 начинается односложным словом, 87 — двусложным; следовательно, в среднем первый словораздел оказывается мужским в 61% случаев. Но в стихах с сильным обособлением этот показатель на 7% выше, а в стихах с более слабым обособлением — на 12% ниже. («Асимметричность» здесь объясняется тем, что полноударные строки чаще встречаются в начале предложения, нежели в его середине; причина этого явления в данном случае безразлична³.)

Необходимо выяснить, действительно ли обнаруженная нами закономерность является общеязыковой или же она проистекает из особенностей поэтического синтаксиса, которые, в свою очередь, могут быть продиктованы природой стиха. Для того чтобы выявить ритмическую тенденцию, реальный стих принято сопоставлять с теоретической моделью. В данном случае мы располагаем тремя фактическими показателями: доля тех и других словоразделов оказывается разной — в среднем (1), в начале предложения (2) и после запятой (3). Какой из этих показателей следует сопоставлять с расчетной моделью? К сожалению, традиционное моделирование стиха ответа на этот вопрос не

дает⁴. Поэтому мы хотим предложить несколько иной, оригинальный способ моделирования стихотворной речи с учетом ее синтаксического членения — с тем, чтобы приложить его к интересующему нас полноударному женскому 4-стопному хорю.

Для расчета теоретической модели использовались данные, полученные на материале художественной прозы Пушкина («Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Пиковая дама», «Капитанская дочка»). В отличие от исследователей, заложивших основы моделирования стиха (Б. В. Томашевского, М. Л. Гаспарова, А. Н. Колмогорова и др.), мы отбирали из прозаического текста не цельные «случайные строки», укладывающиеся в стихотворный размер, и не отдельные фонетические слова (ср. Гаспаров 1974, 21—24, 140—146), а двухударные словосочетания, могущие составить начало или конец I формы 4-стопного хоря с женской клаузулой. Для первого «полустишия» подходят фрагменты следующей структуры: $\text{—}'\cup\text{—}$ (*злой старик*), $\text{—}\cup\text{—}'\text{—}$ (*песни баб*), $\text{—}'\cup\text{—}\cup$ (*граф представил*) и $\text{—}\cup\text{—}'\cup$ (*ангел смерти*); для второго «полустишия» годятся фрагменты типа $\cup\text{—}\cup\text{—}\cup$ (*давно смеркалось, поехал вправо*) или $\text{—}\cup\text{—}\cup$ (*им навстречу, были вместе*). Сочетания первых четырех типов регистрировались только в начале предложения («*„<...> пусть же узнает, как Сильвио мне отомстил“*. — *Граф подвинул мне кресла <...>*») или после запятой («*<...> зритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую*»); сочетания последних двух типов регистрировались перед любой синтаксической паузой (в конце предложения, перед запятой, двоеточием или точкой с запятой: «*Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут <...>*»). Результаты подсчетов отражены в таблицах 1а и 1б.

Чтобы рассчитать вероятность (= теоретическую частоту) стиха, например, такой структуры: $\text{—}'\cup\text{—}'\cup\text{—}\cup\text{—}\cup$ (*злой старик + давно смеркалось* или *злой старик + поехал вправо*), надо умножить частоту сочетаний типа *злой старик* ($\text{—}'\cup\text{—}$) на частоту сочетаний типа *давно смеркалось* или *поехал вправо* ($\cup\text{—}\cup\text{—}\cup$). Используя данные таблицы 1, можно узнать, какова вероятность появления такого стиха в разных синтаксических контекстах. Вычислив вероятность других вариантов со словоразделом после 1-го слога (*граф представил + им навстречу* или *граф представил + были вместе*) и затем определив сумму, мы выясним теоретическую частоту первого мужского словораздела в полноударном 4-стопном хорее. Точно так же рассчитывается вероятность женского словораздела. Полученные этим путем тео-

ретические показатели мало отличаются от фактических: так, расчетная частота мужского словораздела после точки — 63%, после запятой — 53%; реальная частота мужского словораздела после точки — 68%, после запятой — 49%. Расчетная частота женского словораздела после точки — 37%, после запятой — 47%; реальная частота женского словораздела после точки — 32%, после запятой — 51%⁵.

Первое, что можно отметить, — это наличие общей закономерности в модели и в пушкинских сказках: и там и там средняя длина начального слова в строке находится в прямой зависимости от тесноты синтаксической связи этой строки с предыдущей. Во-вторых, обращает на себя внимание чуть меньшая амплитуда колебания расчетных показателей по сравнению с фактическими. Расхождение невелико (4—5%) и, видимо, носит случайный характер, но возможно также, что оно вызвано какими-то различиями в структуре или в пунктуационном оформлении пушкинской прозы и стиха. Во всяком случае, типологических отличий между ними, судя по всему, нет — в этом убеждает сравнение уже имеющихся у нас показателей с полученными по прозе Гончарова (были сделаны две контрольные выборки из «Обломова»: ч. I, гл. I; ч. IV, гл. X—XI): здесь колебания в зависимости от синтаксической позиции оказались, наоборот, несколько большими, чем в хорее пушкинских сказок (см. табл. 2). Наличие одной и той же тенденции в стихах Пушкина и в прозе столь разных авторов, каковы Пушкин и Гончаров, красноречиво свидетельствует о том, что открытая нами закономерность является общеязыковой. А это значит, что синтаксис попадает в число важнейших факторов ритма, влияющих на распределение словоразделов в стихотворной строке.

Еще один подсчет, необходимый для проверки правильности выводов, был проведен на материале стихов, перед которыми нет пунктуационного знака: эти строки связаны с предыдущими, как правило, наиболее тесно. Правда, в корпусе сказок полноударных женских стихов, слева синтаксически не обособленных, очень мало — всего 12, однако результат моделирования этой ситуации по прозе («Выстрел», гл. II; «Пиковая дама», гл. V; «Капитанская дочка», гл. V) дает настолько хорошее совпадение с данными по реальному стиху и так мало при этом отличается от ситуации «после запятой», что более детальный анализ как будто бы теряет смысл (ср. табл. 2). Ясно, что на распределении фонетических слов в строке особенно сильно сказывается синтаксическая пауза после точки или близкого по значению знака⁶; там же, где стоит запятая или пунктуационный знак вовсе отсут-

ствуется, дистрибуция кажется почти случайной — 50:50 [именно этим, наверное, обусловлено относительное сходство результатов традиционного моделирования с реальными показателями по ситуациям после запятой или при отсутствии обособления (см. примеч. 4)]. Всё сказанное позволяет предположить: основная причина зависимости, отраженной в таблице 2, — это резкий перепад встречаемости односложных фонетических слов в синтаксической конструкции (так, в пушкинской прозе первое слово предложения односложно в 33% случаев, а последнее — только в 5%)⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., однако, подсчеты М. М. Гиршмана (1973, 164—165), которые свидетельствуют о том, что в разных типах прозаической речи предложения имеют не совсем одинаковое ритмическое строение.

² Спорные случаи практически не меняют итоговых результатов: если ограничиться только теми стихами, которые отделены от предшествующего текста точкой, удельный вес мужских словоразделов составит 65%. При такой устойчивости статистических показателей нет нужды учитывать варианты текста, отличающиеся своей пунктуацией. (Подсчеты выполнялись по большому академическому изданию.)

³ Ср. аналогичные данные Г. А. Шенгели (1921, 53—61), В. А. Никонова (1960, 117—119), Дж. Смита (Smith 1980, 29 и далее) и М. Л. Гаспарова (1989), согласно которым в начале строфы полноударных строк больше, чем в середине или в конце. Нам кажется, что и здесь ритм строфы зависит от синтаксиса: почти всегда начало строфы — это начало нового предложения.

⁴ Отметим, что теоретическая модель, рассчитанная без учета синтаксиса, ближе всего к ситуации после запятой — 42% (Гаспаров 1974, 211). Впрочем, согласиться с таким подходом, равно как и с предложенной М. Л. Гаспаровым (1974, 209—213) интерпретацией статистических данных, на наш взгляд, никак нельзя. Другие примеры неадекватного описания ритмической структуры хорейской строки есть в работах К. Ф. Тарановского (1971, 420) и Р. О. Якобсона (1979). Ими не учитывается не только синтаксический, но и «теоретико-вероятностный» фактор: вопрос о языковой «естественности» распределения словоразделов здесь даже не ставится. На необходимость учитывать синтаксический фактор при моделировании стиха указывал В. Е. Холшевников (1985, 136—137).

⁵ Вот формула, объединяющая все стадии расчета теоретической вероятности первого мужского словораздела после точки:

$$\frac{ab + cd}{(a + e)b + (c + f)d} \times 100\% = \frac{268 \times 538 + 219 \times 444}{(268 + 130) \times 538 + (219 + 157) \times 444} \times 100\% = 63,4\%$$

Здесь a — это количество словосочетаний типа $\text{—}|\text{—}$, b — количество словосочетаний типа $\text{—}|\text{—}$, c — количество словосочетаний типа $\text{—}|\text{—}$, d — количество словосочетаний типа $\text{—}|\text{—}$, e — количество словосочетаний типа $\text{—}|\text{—}$, f — коли-

чество словосочетаний типа $\overset{\cdot}{\cup}_1 \overset{\cdot}{\cup}$ (см. табл. 1). При анализе прозаического текста регистрировались «минимальные» сочетания: например, в предложении «Уже более часа был он в дороге» учитывался фрагмент *он в дороге*, а не *был он в дороге*. Ниже приведена формула с поправкой $0 \leq x \leq 0,157$, которая принимает в расчет возможность односложного слова на 4-м слоге (между II и III иктами, то есть между группами $\overset{\cdot}{\cup}_1 \overset{\cdot}{\cup}$ и $\overset{\cdot}{\cup} \overset{\cdot}{\cup} \overset{\cdot}{\cup}$ или между группами $\overset{\cdot}{\cup}_1 \overset{\cdot}{\cup}$ и $\overset{\cdot}{\cup} \overset{\cdot}{\cup} \overset{\cdot}{\cup}$):

$$\frac{ab + (c + ax)d}{(a + e)b + [c + f + (a + e)x]d} \times 100\%$$

Поправка дает уточнение пренебрежимо малое: если $x = 0,157$ [такова средняя встречаемость односложного слова в художественной прозе Пушкина («Выстрел», гл. II; «Пиковая дама», гл. V; «Капитанская дочка», гл. V)], вероятность первого мужского словораздела после точки вырастает на 0,2% (в реальном стихе x , конечно, всегда меньше максимальной величины). Столь же малое влияние на показатель оказывает исключение из подсчетов стихов со сверхсхемными ударениями: доля строк с мужским словоразделом после точки — 68% в среднем, 70% без учета строк со сверхсхемным ударением между II и III иктами, 68% без учета всех строк со сверхсхемными ударениями; те же три показателя после запятой — 49%, 48% и 48% (поэтому проблема моделирования сверхсхемных ударений подробнее не рассматривается).

⁶ Сравнимое воздействие на ритм словоразделов оказывают двоеточие или точка с запятой: после них 64% полноударных женских хореев начинается с односложного слова.

⁷ В заключение рассмотрим пример ситуации более сложной, нежели та, что была подробно разобрана в настоящей статье. Общеязыковые (1) и собственно стиховые (2) факторы, независимо воздействуя на один и тот же компонент ритмической структуры, могут создавать сложную результирующую картину. Так, 4-стопный хорей пушкинской лирики отчетливо тяготеет к стопобойности (к совмещению словораздела со стопоразделом): средний уровень диерезы в акаталектических стихах составляет здесь 50%, тогда как в сказках — лишь 38%. Тем самым начало полноударной хорейческой женской строки, открывающей собою предложение, становится местом столкновения установленной выше языковой закономерности с противонаправленной тенденцией ритма: в результате доля первого мужского словораздела падает в лирике до 51% (в сказках его удельный вес — 68%). (В связи с этим укажем на частую в стихотворениях Пушкина стопобойность начальных строк 4-стопного хорая: *Буря мглою небо кроет; Еду, еду в чистом поле; Грустно, Нина: путь мой скучен* и т. п.)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаспаров, М. Л.: 1974, *Современный русский стих: Метрика и ритмика*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 1989, 'Строфический ритм в русском 4-стопном ямбе и хорее', *Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA*, Columbus, Ohio, 133—147.
- Гиршман, М. М.: 1973, 'О ритме русской художественной прозы', *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*, The Hague — Paris, 161—169.

- Никонов, В. А.: 1960, 'Строфика', *Изучение стихосложения в школе: Сборник статей*, Москва, 96—149.
- Тарановский, К. Ф.: 1971, 'О ритмической структуре русских двусложных размеров', *Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова*, Ленинград, 420—429.
- Холшевников, В. Е.: 1985, 'Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе' [1973], *Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития*, Москва, 134—143.
- Шенгели, Г.: 1921, *Трактат о русском стихе*, Одесса, ч. I: Органическая метрика.
- Якобсон, Р.: 1979, 'Об односложных словах в русском стихе' [1964, 1970], R. Jakobson, *Selected Writings*, The Hague — Paris — New York, [vol.] V: On Verse, Its Masters and Explorers, 201—214.
- Smith, G. S.: 1980, 'Stanza Rhythm and Stress Load in the Iambic Tetrameter of V. F. Ходасевич', *Slavic and East European Journal*, vol. 24, № 1, 25—36.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т а б л и ц а 1а

Просодическая структура пушкинской прозы (после синтаксической паузы)

	После точки		После запятой	
	к-во	%	к-во	%
— — — —	268	34,6	100	28,4
— — — —	130	16,8	93	26,4
— — — —	219	28,3	87	24,7
— — — —	157	20,3	72	20,5
В с е г о	774	100,0	352	100,0

Т а б л и ц а 1б

Просодическая структура пушкинской прозы
(перед синтаксической паузой)

	к-во	%
— — — —	444	45,2
— — — —	538	54,8
В с е г о	982	100,0

Т а б л и ц а 2

Теоретическая и фактическая встречаемость мужского и женского словоразделов
на первой стопе полноударного 4-стопного хоря (%)

	После точки			После запятой			При отсутствии знака препинания	
	Сказки	Модель по прозе		Сказки	Модель по прозе		Сказки	Модель (Пушкин)
		Пушкин	Гончаров		Пушкин	Гончаров		
┌ ┐┌┐┌┐┌┐	68	63	68	49	53	39	50	54
┌┐ ┌┐┌┐┌┐	32	37	32	51	47	61	50	46
В с е г о	100	100	100	100	100	100	100	100

Т а б л и ц а 3

Частотность односложных фонетических слов в зависимости от места в предложении
(на материале пушкинской прозы)

1-е слово	2-е слово	3-е слово	3-е от конца	предпоследнее	последнее
0,33	0,17	0,19	0,16	0,10	0,05